

# Рабовладение, взвешенное на Весах Истины, и иллюстрация его сравнительной вины

Чарльз Фитч

SLAVEHOLDING

WEIGHED IN THE

BALANCE OF TRUTH,

AND ITS COMPARATIVE GUILT ILLUSTRATED.

BY CHARLES FITCH.

Pastor of First Free Congregational Church, Boston.

BOSTON:

PUBLISHED BY ISAAC KNAPP,  
No. 25, Cornhill.

1837.

# Электронная книга проекта "Гутенберг" о рабовладении Взвешена на Весах Истины, и ее сравнительная вина проиллюстрирована

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу [www.gutenberg.org](http://www.gutenberg.org). Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

**Название:** Рабовладение Взвешено на весах Истины, и его сравнительная вина проиллюстрирована

**Автор:** Чарльз Фитч

**Дата выхода:** 5 марта 2016 г. [Электронная книга № 51371]  
Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

**Язык:** Английский

**Кредиты:** Подготовлено Хайко Эверманном, Мартином Петтитом и командой онлайн-корректоров по адресу <http://www.pgdp.net> (Эта книга была подготовлена на основе отсканированных изображений материалов, находящихся в общественном достоянии, из проекта Google Books project.)

\*\*\* НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "РАБОВЛАДЕНИЕ" ВЗВЕШЕНО На ВЕСАХ ИСТИНЫ, И ЕГО СРАВНИТЕЛЬНАЯ ВИНА ПРОИЛЛЮСТРИРОВАНА \*\*\*

---

## РАБОВЛАДЕНИЕ ВЗВЕШИВАЛОСЬ На ВЕСАХ ИСТИНЫ, И ЕГО СРАВНИТЕЛЬНАЯ ВИНА ИЛЛЮСТРИРОВАЛАСЬ

---

ЧАРЛЬЗ ФИТЧ.  
Пастор Первой свободной конгрегационалистской церкви, Бостон.

---

БОСТОН:  
ОПУБЛИКОВАНО ИСААКОМ КНАППОМ,  
№ 25, корнхилл.

---

## РАБОВЛАДЕНИЕ И т.д.

---

Для того, чтобы мы могли понять обязанности, которые мы несем перед Богом и нашими ближними, в отношении предмета рабства, необходимо изучить этот институт во всех его аспектах, касающихся временных и вечных интересов поработощенных; и установить, насколько мы в состоянии это сделать, степень вреда, который он наносит. Сейчас моя цель - помочь моим читателям в этом.

Однако я не собираюсь оценивать это гигантское зло и показывать вам его точные размеры; с самого начала я полностью признаюсь вам, что не в состоянии этого сделать. В то, что это больше, по крайней мере в некоторых своих проявлениях, чем любое другое зло, когда-либо существовавшее среди людей, и влечет за собой больше вины, чем любое другое преступление, когда-либо совершенное людьми, я полностью верю и постараюсь показать; тем не менее зло имеет масштабы, которые мои силы не могут описать; а вина - чернота, которую никогда нельзя нарисовать, кроме как карандашом, обмакнутым в полночь бездонной пропасти.

Я знаю, что часто раздавались громкие жалобы тех, кто пытался вызвать негодование своих собратьев по несчастью, причиненному бедному рабу, на то, что они выражаются с несправедливой строгостью. Я не верю, что они когда-либо говорили больше, чем правду, и не могу признать, что они высказывали суровость и рисовали упреки в более неизмеримых выражениях, чем получали их от своих оппонентов.

Когда я вспоминаю также о долгих и глубоких размышлениях даже христиан на эту тему, в то время как их братья стонали под всеми обидами и жестокостями угнетения с железными руками и стальными сердцами, я не могу подавить чувство, что было необходимо, чтобы те, кто хотел их разбудить, разразились громом и собрали всю свою энергию, чтобы стряхнуть лень, в которой были скованы их братья. Сами они только что пробудились, как ото сна, и обнаружили, что они долгое время спали, как на нависающем краю горящего кратера; и когда они увидели все множество своих соотечественников, все еще спящих в той же ситуации страшной опасности; кто может удивиться, что они закричали во весь голос и прибегли ко всем возможным средствам, чтобы разбудить окружающих, пока не стало слишком поздно? Они слышали приглушенное и ужасающее бормотание зарождающегося землетрясения внизу и чувствовали, что земля под ними уже уходит из-под ног, и что меньшее они могли сделать, чем напрячь все свои силы, используя первое средство, которое, казалось, было рассчитано на пробуждение и спасение? У них не было времени разработать множество мер, а затем выбрать из них такие, которые, скорее всего, удовлетворили бы тех, кто не желал, чтобы их будили. Они должны что-то предпринять, и сделать это немедленно. Предыдущие меры, хотя и принимались якобы с целью пробудить людей ото сна, служили лишь временным перерывом. Угнетатели своих братьев—

людей становились все более уверенными в своих притязаниях на собственность по образу Божьему - рабские цепи заковывались все прочнее, и вся нация быстро связывала себя добровольным рабством у тех, кто находил, что это способствует их непринужденности, заинтересованности и постыдному потворству своим желаниям, когда им позволялось причинять своим собратьям все зло, какое им заблагорассудится, при этом никто не произносил ни единой ноты протеста или упрека. Было видно, что пресса была подкуплена, кафедра заткнута ртом, а рты толпы закрыты на всякие замки, и почти все население свободных Штатов приковано цепями либо предрассудков, либо интересов, либо невежества к огромной машине рабства; и те, кому нравилось, чтобы это было так, сели на паровоз и ехали со скоростью железной дороги, куда бы они ни пожелали; и когда немногие проснулись и увидели, что нация таким образом приближается к пропасти гибели, чтобы быть сброшенной в бездну внизу, - что меньшее они могли сделать, чем плакать? ПРЕКРАТИТЕ — и это тоже, даже с выражением протеста, которое могло бы привести к обвинению их в фанатизме или безумии.

Вполне вероятно, что некоторые из моих читателей могут посчитать язык, который я буду использовать, неоправданно суровым; и все же я не верю и не могу думать, что какой-либо человек, честно взглянув на предмет, поверит, что он выражает нечто большее, чем правду.

Мой замысел состоит в том, чтобы провести параллель между рабством и злом, которое с ним связано, и некоторыми из худших зол, пороков и преступлений, которые когда-либо встречались среди людей, чтобы мы могли увидеть, какое место рабство следует занять в списке грехов.

1. Давайте посмотрим на Римско-католическую церковь. За последние несколько лет много говорилось об усилиях, которые предпринимались, чтобы подчинить эту страну Папе Римскому. Теперь достаточно, чтобы человек содрогнулся с головы до ног, хотя бы его нервы были железными, а сухожилия - медными, подумать о самой отдаленной возможности того, что подобное когда-либо может произойти.

Но какое зло причиняет Римская церковь тем, кто находится под ее контролем?

Она забирает у них Библию и не дает им возможности самим познать путь на небеса. Все религиозные наставления, которые могут получить люди, должны исходить устно, из уст священника. Рабство делает то же самое в точности со всеми, кто попадает под его контроль. Они могут не читать Библию и не владеть ею — и не могут получать никаких религиозных наставлений, кроме того, что исходит устно из уст священника. Вечность Римско-католической церкви зависит от невежества простых людей. Вечность рабства зависит от невежества поработанных. Отсюда огромные усилия по закрытию от всего *знания*. Римская церковь отнимает у трудящихся классов большие суммы денег, чтобы поддерживать своего папу и своих кардиналов, своих епископов и своих священников в праздности, роскоши и расточительстве. Рабство лишает трудящийся класс их заработков, чтобы поддерживать другую группу людей в том же образе жизни. Римская церковь конфискует имущество, заключает в тюрьмы, подвергает пыткам и предаст смерти тех, кто не желает подчиняться ее правлению, всякий раз, когда у нее есть на это власть. Рабство делает то же самое. Не только собственность, весь заработок, но и жена и дети, руки, ноги и голова, все тело и душа поработанного конфискуются и передаются в пользование людям, стоящим у власти. Рабство также сопряжено с пытками для своих жертв. Он применяет бич до тех пор, пока кровь не потечет ручьями по их израненным телам, и множеством способов применяет свою жестокость к тем, кто не желает полностью подчиниться

его правлению. Если кто-нибудь отказывается дольше терпеть свои страдания и убегает, за ними следуют в их укрытия и предают смерти. Других бьют кнутом до тех пор, пока не наступает смерть; других загоняют на каторжные работы без надлежащего питания и отдыха, пока они не падают духом и не умирают.

Но Римская церковь, как правило, не лишает все множество своих жертв всего, что носит название собственности, и не забирает право собственности на самих себя из их рук, и не гонит их бичом на каторжные работы с начала до конца года. Она не отмеряет им их скудные гроши на еду, не называет каждую тряпку одежды, которую им разрешается надевать, и вообще не насмехается над отношениями социальной жизни, похищая ребенка из рук отца или из груди матери; и жену из лона ее мужа; и разлучая их на всю жизнь, лишая их всякой защиты закона и ежедневно подвергая их всем травмам и страданиям, которые алчность, страсть и похоть могут обрушить на них. Мужчины, женщины и дети также не находятся под ее влиянием, как скот, выращиваемый на продажу. Такие чудовищности, как эти, оставлены на попечение рабовладельцев; и они должны быть узаконены в сводах законов народа, который хвастливо считал себя самой полностью христианизированной нацией, над которой когда-либо светило солнце. Итак, я говорю, что есть моменты, в которых рабство намного превосходит Римскую церковь по жестокости и вине; оно возлагает на себя более тяжелое бремя, которое еще тяжелее нести, и возлагает его на плечи людей, которые и пальцем к нему не прикоснутся. Рабство, также как и романизм, вопиет против свободной дискуссии и свободы прессы и без колебаний заставляет замолчать и то, и другое, насколько у нее есть власть; и всячески продвигается к этому там, где властью не обладают. Отсюда бесчинства, совершаемые над мирными гражданами, путешествующими по рабовладельческим штатам; и попытки подавить дискуссию почти во всех государствах, называющих себя свободными. Отсюда разрушение издательства Бирни в Цинциннати и камни, брошенные на улицах Трои в героя Уэлда, который, подобно своему Хозяину, творит добро. Отсюда все постыдные безобразия, которыми было опозорено это место, и еще более постыдное пренебрежение соответствующих властей к защите мирных, респектабельных, возвышенных и благочестивых людей при осуществлении самого благородного из всех их прав - права публично выражать и защищать свое собственное мнение. Отсюда все эксцессы, практикуемые в этом и нескольких соседних штатах, чтобы усыпить рожденный небесами дух свободы даже среди ее собственных холмов Новой Англии. Отсюда долгие, громкие и повторяющиеся угрозы распустить Профсоюз, которые южане донесли до наших ушей и которым даже некоторые из наших губернаторов вторили в заявлениях о том, что для человека является уголовным преступлением высказывать то, что он думает по определенному вопросу. Кто сомневается, что рабство, если бы могло, зашло бы так далеко в запирании мнений мужчин в их собственной груди, как когда-либо заходило папство на пике своего могущества. Она уже почти отняла право на свободную дискуссию у тех, кто осмеливается отстаивать права своих собратьев, и вскоре завершила *бырабому*.

2. Давайте рассмотрим супружескую неверность. Зло, проистекающее из этого источника, заключается в том, что оно ослепляет людей, уважающих свой долг перед Богом и свои собственные души, и таким образом ведет их в ад. Однако оно не навязывает себя человеку силой. Искры искреннего желания познать истину и ходить в ее свете всегда вполне достаточно, чтобы показать человеку софистику и умышленное неверие, которыми поддерживаются подобные доктрины; и предупредить его обо всех их ловушках, и направить его стопы на путь жизни. Искра честности в признании простейших принципов здравого смысла покажет человеку, что Бог есть, что Библия - это откровение его воли и что он не оставит

безнаказанными нечестивых, которые отказываются покаяться. Поэтому тот, кто позволяет нести себя по отменям и скалам, вниз по порогам или в водовороты умышленного неверия, идет туда, предупрежденный об опасности и с обильными средствами и возможностями для спасения. Но рабство силой вырывает Библию из рук бессмертных людей. Посреди христианской земли, когда вокруг них сияет ясный небесный свет, они отрезаны от этого света и оставлены нащупывать свой путь во тьме, ведущей в ад. Чтобы меня не заподозрили в том, что я заявляю нечто большее, чем правду по этому вопросу, я просто приведу пример законов рабовладельческих штатов, касающихся этого вопроса.

"Закон Южной Каролины, принятый в 1800 году, разрешает нанесение двадцати ударов плетью каждому рабу, обнаруженному на собрании, созванном для ментального обучения, проводимого в закрытом или секретном месте, хотя и в присутствии белого". В том, что это отсекает их и было предназначено для того, чтобы лишить их всех средств ментального обучения, никто не сомневается; ибо кому в этом штате разрешено давать рабам ментальные наставления в общественном месте? "Другой закон налагает штраф в размере ста фунтов на любого человека, который может научить раба писать". "В Северной Каролине научить раба читать или дарить ему любую книгу, [не исключая Библию] или брошюру, наказывается тридцатью девятью ударами плетью или тюремным заключением, если преступник свободный негр, но если белый, то штрафом в триста долларов. В Джорджии, если белый учит свободного негра или раба читать или писать, его штрафуют на пятьсот долларов и сажают в тюрьму по усмотрению суда. Если нарушителем является цветной мужчина, связанный или на свободе, он может быть оштрафован или выпорот плетью по усмотрению суда. Следовательно, отец не может учить своих собственных детей под страхом порки". "Это было введено в действие в 1829 году". "В Луизиане наказанием за обучение рабов чтению или письму является тюремное заключение сроком на один год. В Джорджии также любой судья может, по своему усмотрению, разогнать любое религиозное собрание рабов и может приказывать наказывать каждого присутствующего раба без суда и следствия, нанеся по голой спине двадцать пять ударов кнутом, розгой или коровьей шкурой." "В Южной Каролине рабам запрещено собираться вместе до восхода солнца или после захода солнца с целью религиозного наставления, если только большинство на собрании не белые, за это полагается наказание в виде двадцати ударов плетью. В Виргинии всевечерние собрания рабов в любом молитвенном доме категорически запрещены." Конечно, они не могут собираться днем, потому что тогда им приходится трудиться. Возможно, они могут это сделать в субботу, но даже тогда у них мало возможностей сделать это.

Итак, вы видите напряженные усилия, которые предпринимаются законодательными актами, чтобы затмить всякий свет в сознании раба и окружить его густой непроницаемой тьмой, посреди которой он должен жить и умереть; и из-за которой его глаза никогда не смогут открыться, пока смерть не освободит его из рук его угнетателя. Я знаю, что привилегия давать устные религиозные наставления рабам в какой-то степени дарована, и что некоторые рабовладельцы действительно притворяются, что обучают своих рабов истинам религии. Но каково количество всего этого? Автор "Нью-Йорк Евангелист" несколько месяцев назад дал нам то, что он называет "зарисовками рабства из года проживания во Флориде", в одном из номеров которых он говорит именно об этом. Он беседовал на эту тему с рабовладельцами. Один человек считал, что давать рабам религиозные наставления - это очень хорошо. "Я созвал своих рабов, - сказал он, - в один субботний день, *единственный раз, который мне удалось выкроить*

в этом сезоне!!! и прочти им рассказ о том, как слуга Авраама отправился искать жену для Исаака. Я воспользовался случаем, чтобы поговорить с ними о честности этого слуги — о том, какое количество имущества было вверено его попечению, как преданно он следил за ним, как старался не присвоить себе ни одной драгоценности, как стремился вернуться в назначенное время". "Я думаю, - сказал этот рабовладелец, - что религиозное воспитание должно быть определенно полезным". Другой хозяин, с которым я беседовал, продолжает автор, ничего не верил в религиозное воспитание рабов. Он считал все это фарсом. "Нет человека, - сказал этот рабовладелец, - который прочитал бы своим рабам всю Библию. Если я правильно помню, в Библии есть что-то, что говорит о *снятии всякого ярма и освобождении угнетенных*; и нет такого хозяина, - продолжал он, - который прочитал бы *это* своим рабам, даже вашим добрым методистам; и если мы не должны читать всю Библию, то с таким же успехом можем вообще ничего не читать." Таковы были взгляды рабовладельцев.

Я где-то прочитал следующее. Независимо от того, подлинный он или нет, он иллюстрирует мою точку зрения и выражает, я полностью убежден, очень большую долю истины. Это было замечание раба после того, как хозяин читал Библию ему и его спутнице. - Масса берихороший христианин; он, бери, хорошийхристианин. Почитай нам Библию; но он всегда читал одну и ту же главу, в которой говорится: "Рабы, повинуйтесь своим массам во всем".

Здесь, несомненно, мы имеем дело с правдой относительно религиозного обучения рабов. Множество людей никогда не пытаются сделать это, а те, кто делают, уверены, что делают это в своих собственных интересах, а не для блага раба. Я готов признать, что есть исключения; но все, что я сказал, несомненно, существует в широком масштабе и в той мере, в какой это предусмотрено законом. Я осознаю, что Евангелие в какой-то степени проповедуется и что некоторые действительно принимают его; но это исключения, а не общее правило. Я утверждаю, что рабство уничтожает больше душ среди рабов, скрывая от них Библию, чем могла бы сделать неверность на ее месте, если бы им разрешили иметь Библию и читать самим; и мне кажется, что это позиция, которую ни один честный человек не станет оспаривать.— Рабство также разрушает души силой, когда неверность может быть только приманкой, а значит, оставлять возможность для побега.

3. Давайте сравним рабство с изготовлением горячительных напитков и их продаж. Не подозревайте меня в желании смягчить зло или вину, связанную с этим отвратительным делом. Я часто размышлял об этом, пока моя душа не заболела изнутри и пока я не убедился окончательно, что все, и гораздо больше, чем все, что когда-либо было сказано или мечталось на эту тему, является абсолютной правдой. Я также знаю, что один высокоодаренный ум несколько лет назад провел параллель между невоздержанностью и работорговлей, в которой он попытался показать, что последняя является злом наименьшего масштаба. Но сейчас я сравниваю бизнес по производству крепких спиртных напитков и их продаже с рабством в том виде, в каком оно существует в настоящее время в нашей стране.

Часто с неоспоримой правдой говорилось, что от трехсот до пятисот тысяч несчастных людей в нашей стране являются закоренелыми пьяницами, и что от тридцати до пятидесяти тысяч каждый год сходят в могилу пьяницы; и поскольку пьяницы не могут наследовать царство Божье, они должны спуститься в глубины ада. Поистине, это самое страшное разрушение. Но вместо пятисот тысяч в нашей стране насчитывается не менее двух миллионов двухсот сорока пяти тысяч, содержащихся во тьме рабства. Как вы думаете, у скольких из них достаточно света,

чтобы направить свои стопы к небесам? Скажем, у половины? Кто может в это поверить? Но если это признать, то все равно существует более чем в два раза больше людей, запертых рабством, в состоянии тьмы, ведущей в ад, чем когда-либо, по оценкам любого человека, находившегося в рядах невоздержанности. Разве это не самая очевидная истина, что рабство разрушает больше душ, чем изготовление и продажа горячего спиртного? Когда мы также примем во внимание, что рабство захватывает своих жертв силой, связывает и заковычивает их в цепи, которые они не могут сбросить, и, таким образом, оставляет их души не обеспеченными никакими средствами благодати, чтобы умереть без надежды; и что крепкие напитки оставляют людям множество возможностей сбежать, если они захотят; кто не скажет, что рабства невыразимо больше следует бояться: что это зло гораздо большего масштаба, чем другое? Невоздержанный человек может в любое время вырваться из своего рабства, отказаться от своих чаш, насладиться средствами благодати, принять истину и жить. Но жертва рабства, лишенная всякого истинного познания Бога, лишенная законом всякой возможности узнать волю своего Создателя или изучить путь спасения Христом; что он может сделать, кроме как оставаться в своей тьме и грехе до тех пор, пока тьма вечной ночи не сомкнется над его погруженной во мрак душой, и он будет оставлен навечно страдать от последствий непростительного греха. Правда, вина того, кто умирает добровольной жертвой невоздержанности, должна быть больше, чем вина бедного невежественного раба, и, следовательно, его будущее наказание более суровое, но если рабство влечет за собой вдвое большее число жертв, подвергающихся безнадежному осуждению, то оно уничтожает вдвое больше душ и, следовательно, является величайшим злом.

4. Давайте сравним рабство с воровством и разбоем. Позвольте мне привести пример для иллюстрации. Вы муж и отец. Вы начали свой мир бедняком, но упорным трудом и экономией собрали некоторую сумму денег, которая, как вы верите, при правильном вложении средств обеспечит вам и вашей семье респектабельность и комфорт. Из заявлений, сделанных вам, или из ваших собственных наблюдений, выезжая на место, вы приходите к выводу, что ваши деньги можно было бы с большей выгодой присвоить, переехав на Запад. Соответственно, вы конвертируете все, что у вас есть, в наличные деньги и принимаете все необходимые меры для переезда со своей семьей. В ночь, предшествующую вашему предполагаемому отъезду, вор проникает в ваш дом, забирает все, что у вас есть, и убегает, и вы больше никогда об этом не услышите. Или предположим, что вы уже в пути и после многих дней утомительного путешествия оказываетесь недалеко от места своей цели; как вдруг вас встречает разбойник с большой дороги, который, приставив пистолет к вашей груди, отнимает у вас последний фартинг.— Теперь я полагаю, что это был бы случай, когда воровство и разбой проявились бы в своих худших чертах. Это было бы действительно тяжкое дело. После многих лет тяжелого труда, направленного на то, чтобы добыть что-то для себя и семьи, в одно мгновение вы остаетесь без гроша в кармане, со своей обездоленной семьей на руках. Все, что вы можете сделать, это снова обречь себя на тяжелую работу, чтобы обеспечить тех, кого вы любите.

Но предположим, что после всего этого вы были обречены видеть, как ваших детей отрывают от вас одного за другим и продают с молотка, чтобы они отправились неизвестно куда; подвергаться жестокости, оскорблениям и поруганию любого монстра, в руки которого они могли бы случайно попасть; где вы никогда больше не сможете их увидеть или услышать; и вы остались без средств к существованию, чтобы сестрядом со своей убитой горем женой и смешать свои слезы, вздохи и рыдания с ее, без надежды на облегчение до самой смерти. Но посреди всего этого даже любимая жена, дорогая, как кровь твоего собственного сердца,

разлучена с тобой и навсегда продана из твоих объятий, и ты, наконец, уходишь с молотка к тому, кто больше заплатит, и тебя заставляют стонать и потеть долгие-долгие дни безответного труда, не получая облегчения до самой смерти. Это рабство. Оно лишает человека всех заработков за всю его жизнь. Как бы он ни трудился, как бы ни потел, у него никогда не будет ни фартинга, который он мог бы назвать своим. Просто послушайте законы на этот счет. "В Южной Каролине рабу не разрешается содержать лодку или разводить для своей выгоды лошадей, крупный рогатый скот, овец или свиней под страхом конфискации, и *любой человек может забрать их у него.*" Я спрашиваю, что это, как не грабеж — за исключением того, что это невыразимо хуже, потому что это легализовано — и у бедняка нет средств возместить ущерб? Согласно букве закона, *любому человеку* разрешено грабить его.

- В Джорджии хозяин оштрафован на тридцать долларов за то, что позволил рабу наняться к другому ради его же собственной выгоды. В Мэриленде хозяин лишается тринадцати долларов за каждый месяц, в течение которого его рабу разрешается получать заработную плату за свой счет. В Вирджинии штрафу подлежит каждый хозяин, который разрешает рабу работать на себя за плату. В Северной Каролине все лошади, крупный рогатый скот, свиньи или овцы, которые должны принадлежать какому-либо рабу или иметь какое-либо рабское клеймо в этом штате, должны быть изъяты и проданы окружными надзирателями. В Миссисипи хозяину запрещено под страхом штрафа в пятьдесят долларов позволять рабу выращивать хлопок для себя или хранить скот любоговида. "Теперь, где есть человек под небесами, который не сказал бы, что такая система узаконенного угнетения была бесконечно хуже, чем воровство или разбой, применяемый по отношению к самому себе? И что, спрашиваю я, делает это преступление менее отвратительным, когда оно совершается по отношению к цветному мужчине, чем если бы оно совершалось по отношению к любому из нас? Бедный раб чувствует такие обиды так глубоко, как только могли бы мы, и стонет под ними так громко, и проливает слезы так обильно, как это сделали бы мы; но вот он здесь, без средств к исправлению. И в дополнение ко всему этому грабежу всего, что имеет форму собственности, у бедного раба отнимают его детей, жену и самого себя — и у него ничего не остается, кроме жалкого существования, подчиненного самой жестокой, иссушающей сердце тирании, которую когда-либо практиковал человек по отношению к своим братьям, с тех пор как этот мир понес проклятие своего Бога. Когда вор или грабительница забирает вашу собственность, вы можете вернуть ее, как только сможете найти; или, если нет, вы можете приобрести больше, и ваша жена, и дети, и вы сами по-прежнему принадлежите вам. Воровство и разбой - ничто по сравнению с порочностью рабства. Делайте их такими ужасными, какими вам заблагорассудится, и они не заслуживают того, чтобы их называли на той же неделе. Разница между ними слишком велика, чтобы ее можно было описать, слишком широка, чтобы ее можно было измерить, слишком глубока, чтобы ее можно было постичь. Рабовладелец, отправившийся нераскаившимся в ад, обнаружит, что на него навалился груз вины и проклятия, который скроет его из виду от самого страшного грабителя с большой дороги, когда-либо ходившего по земле. Но вы скажете, что грабитель с большой дороги часто виновен в убийстве. Что ж, точно так же рабовладелец часто виновен в убийстве — и это подводит меня к следующему пункту.

5. Давайте теперь сравним рабство с убийством. Кто не знает, что часто, когда бедный раб больше не может терпеть совершаемые над ним безобразия, убегает и прячется в лес, за ним охотятся собаки и ружья и, таким образом, предают смерти только за попытку побега. Каждый

знает, что это частое явление. Приговорен к смерти — просто за попытку убежать от своих страданий и несправедливости. Опять же, у них есть правило, что в определенные сезоны они могут позволить себе работать до смерти, чтобы пораньше доставить свой урожай на рынок и тем самым обеспечить гораздо более высокую цену. Автор "очерков рабства", проживший год во Флориде, говорит об этом, в частности, как о том, что он был там под наблюдением; и я видел, как на этот факт ссылались другие авторы в открытой печати. Они без колебаний приносят жизни своих рабов в жертву тяжелому труду, когда это увеличивает их прибыль. Кроме того, бедного раба часто бьют кнутом до тех пор, пока результатом не становится смерть. Разве я не высказал ясно, предельно ясно, что рабство хуже убийства? Разве вы не предпочли бы, чтобы вас встретил разбойник с большой дороги и застрелил, чем влачить свою жизнь на плантации рабов, трудясь ради обогащения жестокосердного негодяя, который лишил вас всех ваших прав? Разве вы не предпочли бы это тому, чтобы вас выпороли, а потом бросили умирать под воздействием этого эффекта? И разве негодяй, который причиняет смерть таким образом, чтобы обогатиться, не более виновен, чем тот, кто вышибает путешественнику мозги и завладевает его деньгами, чтобы обогатиться самому? Конечно, моя точка зрения не нуждается в дополнительных иллюстрациях. Рабство хуже убийства. Но все же есть один момент, который следует принять во внимание. Если человек застрелит тебя на обочине, это твоя собственная вина, если ты не попадешь на небеса. У тебя есть Библия и Евангелие. Вы знаете, что Спаситель есть, и если вы не покаетесь в своих грехах и не уверовали в него ради спасения, вам нет оправдания. Если вы потеряете свою душу, вина будет ваша собственная. Хотя тебя и убили, ты мог бы, если бы захотел, быть спасенным. Но бедному рабу не дают познать путь спасения, пока он жив, а затем, измученный тяжелым трудом, он умирает и теряется навсегда. Конечно, мне нет нужды говорить больше — какой честный человек не готов сказать, что рабство хуже убийства?

6. Теперь я подхожу к вопросу, который, по мнению некоторых, возможно, следует умолчать. Но я слуга Всевышнего Бога и несу перед ним ответственность; и как таковой, на меня возложена торжественная обязанность громко плакать, не щадить и показывать этому виновному народу его грехи. Это, с помощью Господа, я сделаю. Настало также время, чтобы наши матери и наши жены, наши сестры и наши дочери узнали о страданиях и несправедливости бедной незащитной рабыни, чтобы они могли вознести свои громкие крики к Небесам в ее защиту.

Поэтому я хочу сравнить рабство с блудом и прелюбодеянием, а также с насильственным нарушением женской чистоты. И, мои слушатели, я не прошу вас верить моему голому утверждению по этому вопросу, я приведу вам доказательства, как я и стремился сделать по каждому ранее рассмотренному пункту.

Взгляните еще раз на законы. В Кентукки — "любой негр, мулат или индеец, *раб или свободный, который в любое время поднимет руку против любого белого человека* (обратите внимание на формулировку), получит тридцать ударов плетью по голой спине, *хорошо наложенных*, по приказу правосудия".

Считается, что это правило или что-то очень похожее на него действует во всех рабовладельческих штатах. Теперь посмотрите, в какие условия оно ставит бедных женщин. Она находится в неконтролируемой власти мастера. Он может приказывать ей, из страха перед плетью, отправиться в любое тайное место, куда ему заблагорассудится; тот же страх перед плетью позволяет ему осуществить все адские замыслы своего сердца, а затем, тем же

способом, он может запечатать ее уста молчанием, чтобы преступление никогда не было разглашено. В течение всего этого времени, если она поднимет на него руку, он может по приказу судьи нанести ей тридцать ударов плетью в дополнение ко всему, что ему заблагорассудится нанести самому. Давайте теперь просто вспомним, что в дополнение к такому правилу ни один цветной человек не может быть свидетелем против белого мужчины в суде, и вы видите точное состояние бедной женщины-рабыни. Нет ничего более отвратительного в осквернении, ничего более ужасного в преступлении, но она может подвергнуться удару кнута, стать его жертвой, и она не должна поднимать руку в целях самозащиты — и тогда она не осмелится разглашать свои проступки, а если и расскажет, то на земле нет силы, от которой она могла бы получить какое-либо возмещение; или даже защиту от повторного причинения того же зла.

Если бы рабовладельцы создавали законы с явной целью полностью отдать чистоту и добродетель своих женщин в их собственную власть, они не смогли бы сделать это более эффективно, чем это делается сейчас. Казалось бы, это система, созданная с той самой целью, чтобы дать им полную власть, чтобы они могли насильно загрязнять столько людей, сколько им заблагорассудится. Во всяком случае, они знают, что власть в их руках, и есть достаточно достижений, которые показывают, что они не замедлят ею воспользоваться.<sup>[1]</sup> Существует множество фактов по этому вопросу, и я приведу только один или два, потому что я знаю, что они достоверны.

Один мой близкий друг, который провел несколько лет в рабском состоянии, рассказал мне следующее в качестве события, произошедшего в том месте, где он проживал, и в самое время его пребывания там. Мужчина, — я не скажу "джентльмен", но, по правде говоря, я должен был бы сказать "чудовище", — у которого были жена и семья взрослых дочерей, проживавших с ним, имел также в своем доме молодую рабыню. Эта рабыня стала матерью ребенка, и то, что глава семьи был его отцом, приобрело общественную известность. Дело стало настолько неприкрытым, что мужчина счел необходимым принять некоторые меры, чтобы выбросить из головы свой стыд и крайнее унижение своей жены и дочерей.<sup>[2]</sup> Соответственно, он продал ее на южном рынке, и хотя ему с некоторым трудом удалось убедить покупателя взять младенца, он, наконец, сделал это, и несчастную мать, жертву зверства и отвратительного преступления хозяина, забрали или, скорее, вырвали из дома и унесли, буквально издавая крики отчаяния. Теперь я хотел бы знать, есть ли под небесами какой-нибудь язык, который в достаточной степени определил бы вину такого негодяя?

Следующий факт был рассказан благочестивым врачом, проживающим в городе Вашингтон. Он пришел ко мне таким образом, что я знаю, что это факт.

"В этом городе, — сказал этот врач, — проживает молодая рабыня, которая набожна и является членом той же церкви, к которой принадлежу я. Она мулатка, и цвет ее лица почти белый. Однажды она пришла ко мне в большой тревоге и огорчении и попросила меня сказать ей, что она может сделать. Она заявила мне, что сын ее хозяина имел обыкновение заставлять ее, когда ему заблагорассудится, ложиться с ним в его постель. Она была вынуждена подчиниться этому, и она не знала способа получить какое-либо облегчение. Она не могла обратиться к своему хозяину за защитой, поскольку он сам был виновен в подобных действиях. Она хотела знать, что она может сделать? Бедная девочка, что она может сделать? Она не могла поднять руку в целях самообороны. Она не могла убежать, потому что была рабыней. Ее приведут обратно, избьют и,

возможно, поместят в худшее состояние, чем раньше. И вот она, благочестивая девушка, всеми чувствами своего сердца сознающая горести своего положения, стала жертвой грубой похоти распутного молодого человека; у нее не было средств защиты или спасения, и перед ней не было никакой перспективы, кроме как снова и снова подвергаться осквернению, когда бы ни захотели его необузданные страсти.

Возможно, здесь есть мать, у которой есть благочестивая дочь, и я хотел бы проникнуть в ее сердце и спросить, что бы она чувствовала, если бы эта дочь оказалась в таких обстоятельствах, как эти; или каковы были бы чувства этой дочери, если бы она была таким образом прикована к состоянию, которое намного хуже смерти. Я действительно свято верю, что под небесами нет прелюбодея, нет блудника, покрытого столь глубокой и губительной виной, как негодяй, который будет вести себя подобным образом. Даже жертва обольщения всего лишь сбита с пути добродетели, но перед нами ученик Христа, связанный, и это тоже, законами страны, и положенный, беспомощная жертва, на алтарь проституции.

Итак, это преступление, наказуемое при большинстве правительств смертной казнью, и жертва имеет право на возмещение ущерба и, конечно же, на спасение от повторения надругательства; но рабство помещает своих жертв туда, где нет ни возмещения, ни освобождения; и дает рабовладельцу полную власть посягать на добродетель и невинность стольких беззащитных женщин, скольким ему заблагорассудится, и нет силы под небом призвать его к ответу. Я повторяю, если бы они издавали свои законы с явной целью закрепления за собой этой власти, они не смогли бы сделать это более эффективно; и ни один человек, который когда-либо видел или слышал много о южных обычаях, не остается в неведении относительно истины, что такие вещи, о которых я рассказывал, являются обычным явлением каждого дня. О, когда я размышляю на эту тему, я почти могу молиться о голосе, подобном вулкану, и о словах, которые обжигали бы, как капли расплавленной лавы, чтобы я мог громовым голосом донести до его ушей вину рабовладельца и говорить с ним на языке, который он бы почувствовал. Кто скажет, что эта система рабства, при которой ни одна женщина, в жилах которой есть хоть капля африканской крови, не может защитить свою добродетель от любого белого мужчины даже на час и нет возможности спастись от осквернения, не является невыразимо худшей, чем блуд и прелюбодеяние, или даже насильственное нарушение чистоты, когда существуют законы, позволяющие задерживать и наказывать за такое преступление? Не подозревайте меня в желании смягчить эти пороки. Их никогда не рисовали в слишком грязных и омерзительных красках; и их вина никогда не изображалась в черноте, более глубокой, чем реальность, — но я говорю, система рабства - это вещь еще более грязная, черная и виноватая.

7. Но давайте посмотрим еще раз и сравним рабство с государственной изменой. Бенедикт Арнольд был предателем. В то время, когда его страна переживала великое бедствие и трудности, у него возникла безумная цель - отдать ее на волю ее врагов; и он делал все, что мог, чтобы достичь своей цели. Каждая душа в стране пылала негодованием против него — и, если бы не его бегство, он закончил бы свои дни на виселице.

Но предположим, что он достиг своей цели, и несправедливые законы, против которых сражались и проливали кровь наши отцы, оставались в полной силе для нас до сих пор? Я

осмеливаюсь сказать, что мы не должны были страдать от несправедливостей, о которых следует упомянуть, по сравнению с несправедливостями раба. Существовало тяжелое и несправедливое налогообложение, но оно не лишало нас всего нашего заработка на всю жизнь. Был отказ предоставить нам справедливое представительство в разработке законов, по которым мы должны были управляться; но это не лишало нас всякой защиты закона и не низводило нас в этом отношении до положения крупного рогатого скота или свиней. Это не было лишением нас всех наших прав, лишением нас наших детей и подверганием наших жен, наших сестер и наших дочерей беспричинному насилию, без права поднять руку в целях самообороны, и лишением нас возможности обеспечить им защиту. Муж или отец, если он раб, может наблюдать и видеть, как его жена или дочь оскверняются у него на глазах, и все законы страны запрещают ему даже пальцем пошевелить ради их освобождения. Он может так усердно трудиться всю свою жизнь, что не будет стоять и фартинга. Измена Арнольда, если бы она процветала, никогда не подвергла бы нас такому злу, как это. Кроме того, если бы мы оставались до этого времени британскими колониями, при прочих равных *условиях*, с этим злом рабства было бы покончено, и, возможно, много лет назад. Когда я думаю об этом, если бы у меня не было уверенности в непререкаемом Провидении Божьем, я мог бы почти заплакать, что Богу воинств показалось не лучшим оставить нас под контролем силы, которая вырвала бы с корнем этот разрушительный Бохон-Упас, который все еще раскидывает свои широкие ветви смерти и запустения по таким обширным участкам нашей, в остальном счастливой, земли. Я уверен, что измена Арнольда никогда бы не заставила нашу землю стонать от таких бед и возносить к небесам такие крики отчаяния, которые ежедневно вырываются из груди беспомощных миллионов, которых сейчас поработывает наша нация. Поэтому я еще раз говорю, что система рабства невыразимо хуже государственной измены. Но я не могу продолжать эту параллель дальше. Я взглянул на то, что люди считают худшим из зол и преступлений; но, взвешивая вину рабства, мы обнаруживаем, что все, что мы можем поместить на противоположную чашу весов, сразу же перевешивает балку. С ним связан груз вины, который не может быть уравновешен виной ни в каком другом *преступлении*.

Есть еще один момент в этом деле, который я хотел бы назвать, как придающий черноту и усугубляющий его вину, и тогда я это сделал. Она заключается в том, что множество так называемых учеников Христа выступают вперед, чтобы оправдать систему рабства и потребовать для нее санкций слова Божьего. Да, эта система рабства, как бы красна она ни была от преступлений, черна от вины и отвратительна от нечистоты, называется даже теми, кто называет себя христианами и служителями, институтом Библии. О, мне кажется, что если долготерпение снисходительного Бога было когда-либо оскорблено сверх всякой меры, то это должно быть, когда требуется защита его авторитета, ради вечности такой системы, как эта. Нет преступления— которое она не узаконивала бы, нет греха, который она не защищала, нет глубины нечистоты, которую она не копала бы и в которой не позволяла бы погрязнуть мерзким людям. И все же недостатка в людях, христианах и служителях, которые ожидают у алтаря Божьего, которые называют это Небесным учреждением и претендуют на авторитет Всевышнего, нет. Я знаю, что они выступали бы за рабство без тех мерзостей, которые я назвал, и утверждают, что смотря на подобные преступления и пороки с таким же глубоким отвращением, как и мы.

Но кто не может видеть, что рабство - общая мать всего этого выводка адских зол, в чьем ужасно плодовитом чреве они зачаты и кем они выведены на свет? *Само по себе* рабство - это то, что должно быть отвергнуто? Вы должны предать смерти эту отвратительную даму, иначе она будет

продолжать множить свое адское потомство и посылать его к нам, изобилуя бедами. У вас не может быть рабства без сопутствующих ему пороков. Я знаю, что могут найтись люди, чьи сердца ощутили силу религии Христа, но чьи моральные чувства недостаточно пробуждены, чтобы побудить их повиноваться Богу в этом вопросе, сбросить всякое ярмо и отпустить угнетенных на свободу, которые утверждают, что *они* хорошо обращаются со своими рабами и что при таких обстоятельствах рабство оправдано; и что, более того, они не несут ответственности за преступления, которые другие люди совершают среди своих рабов, или за зло, которое они совершают по отношению к ним. Доброта к поработанному человеку! Это противоречие в терминах. С таким же успехом вы могли бы отнять у него все, что у него есть на земле, отрубить ему руки и ноги и выколоть глаза, а затем взять его в свой дом и обращаться с ним по-доброму, чтобы загладить свою вину.

Раб при самых благоприятных обстоятельствах каждый день становится жертвой грабежа. День за днем, всю свою жизнь, у него отнимают плоды его труда, чтобы они могли пойти на обогащение другого. У него действительно есть руки, но он не может использовать их для собственной выгоды. Ноги у него есть, но они могут не нести его туда, куда он пошел бы. Они должны идти и приходить по приказу хозяина, а не его. У него есть глаза, но он может не смотреть на свет науки или на более ясный, очищающий свет богооткровенной истины. Даже солнце светит не для него, поскольку оно служит лишь для того, чтобы освещать ему его невольный и безответный труд. Тогда какая польза ему от рук, ног и глаз? Он может использовать их для своей выгоды не больше, чем если бы у него их не было, — и все же вы думаете возместить ему добротой то, что у вас отняли; и называете себя учеником Христа, и думаете, что Небеса вознаградят вас за то, что вы так добры к своей бедной угнетенной, попираемой жертве, которую вы заставляете трудиться безвозмездно для вашего блага. Это религия Христа? Это любовь к ближнему, как к самому себе?

Но самый добросердечный, честный и благочестивый рабовладелец в стране, поскольку он одобряет систему рабства и выступает за ее сохранение, в лучшем случае является соучастником всего зла, которое порождает эта система. Следовательно, он является соучастником ее вины и впоследствии обнаружит, что его руки запятнаны ее пороками и преступлениями. Тот, кто сказал в своей Библии: "Не принимайте участия в грехах других людей", также сказал: "Выйди из среды них и отделись, и не прикасайся к нечистому", *и ни один человек не может быть невиновным, если отказывается делать это.*

Но, возможно, возникнет вопрос: признавая, что рабство - это все, за что вы его принимаете, какое право вы имеете вмешиваться? Я не претендую на право вмешательства, основанное на существующих законах нашей страны, поскольку они, как мы видели, настолько отвратительно порочны и деспотичны, что полностью санкционируют все зло и преступления, которые мы рассматривали. Тем не менее, я утверждаю, что у меня есть право вмешиваться,<sup>[3]</sup> и делать все, что в моих силах, всеми возможными средствами для искоренения рабства. Кто-нибудь спрашивает, на чем основано это право? Я отвечаю, на своде законов Всемогущего Бога - на столпах вечного небесного престола, и лучшей власти, чем эта, санкционирующей мое вмешательство, я не прошу. "Возлюби ближнего твоего, как самого себя". "Кто мой ближний?" Пусть ответит Иисус Христос. "Некий человек, не важно кто, отправился из Иерусалима в Иерихон и попал к разбойникам, которые сняли с него одежду и, ранив его, ушли, оставив его полумертвым. И случайно по той дороге прошел один священник; и когда он увидел его, то перешел на другую сторону. "Как точно похоже на поведение многих служителей Евангелия по

отношению к рабу. Они просто смотрят на его страдания и проходят мимо, не прилагая никаких усилий, чтобы доставить ему облегчение. "И точно так же левит, когда он был на том месте, подошел и посмотрел на него, и прошел мимо с другой стороны". Точно так же множество исповедующих христианство ведут себя по отношению к рабу. Они смотрят на него, проходят дальше и оставляют его наедине с его горестями. "Но некий самарянин, путешествуя, пришел туда, где он был, и когда он увидел его, он сжалился над ним, и пошел к нему, и перевязал его раны, облив елеем и вином, и посадил его на своего собственного зверя, и привел его в гостиницу, и позаботился о нем. И на следующий день, уходя, он достал два пенса и отдал их хозяину, сказав ему: "Позаботься о нем, и если ты потратишь еще, когда я приду снова, я верну тебе". Здесь наш Спаситель показал нам, что значит играть роль ближнего. Этот самарянин нашел товарища в бедственном положении. Он остановился не для того, чтобы спросить, кто он такой, а сразу же поступил так, как хотел бы, чтобы другие поступили с ним в подобных обстоятельствах. И теперь повеление Христа гласит: "Иди и поступай так же". Следовательно, где бы мы ни находили товарища в бедственном положении, мы находим в нем ближнего, того, кого мы обязаны любить так же, как самих себя. Мы должны отождествлять себя с ним и сочувствовать его ошибкам и его горестям, как сочувствовали бы своим собственным в подобных обстоятельствах, и должны делать для него, насколько это в наших силах, все, что в подобных обстоятельствах мы могли бы пожелать, чтобы другие сделали для нас. Тогда не говорите мне, что я не имею права вмешиваться, когда я вижу, как более двух миллионов моих соседей, да, моих братьев, моих соотечественников, стонут, трудятся и умирают от беспрецедентных несправедливостей рабства. Я не имею права не вмешиваться. Я предатель по отношению к моему ближнему и бунтарь против моего Бога, если я воздержусь вмешиваться; если я не смогу использовать последнюю силу, которую дал мне мой Создатель, в мольбах о немедленном освобождении моих собратьев от их страданий и цепей. Я попираю вселенский закон бесконечного Иеговы, если оставляю невыполненным все, что в моей власти, что я хотел бы сделать для себя, если бы все страдания рабства были моими.

Но я познаю свой долг по отношению к измученному непосильным трудом, измученному агонией рабу, не просто рассматривая общие принципы Божьего правления. Я нахожу положительное направление для этого конкретного случая. Иер. 21: 12. — "Так говорит Господь — соверши суд утром и избавь разграбленного от руки притеснителя, чтобы ярость Моя не распространилась, как огонь, и не пылала так, что никто не мог погасить ее, из-за злых дел твоих". Кто испорчен, если не раб? Разве он не испорчен во всем? Лишенный всех своих заработков — избалованный ребенком, которого он любит, избалованный женой, которая кость от кости и плоть от плоти его, лишенный даже права собственности на самого себя и своей бессмертной души, лишенный света, который привел бы его стопы к небесам? А бедная страдающая рабыня — в чем она не избалована? Избалована всей той защитой, на которую имеют право требовать невинные и беспомощные, даже дикари. Лишена всей нежности, на которую женщина повсюду имеет право рассчитывать; лишена даже своей добродетели, и то по закону, ибо мы видели, что законы поместили ее туда, где она не сможет сохранить ее, если бы захотела.

Кто же тогда, спрашиваю я еще раз, испорчен, если не рабыня? А кто является угнетателем, если не человек, который держит его в рабстве и причиняет ему все эти обиды? Следовательно, хотя я слышу, как Бог небесный говорит: "Избавь того, кто обесчещен, от руки притеснителя, чтобы моя ярость не разгорелась, как огонь, и никто не мог ее погасить", могу ли я рассчитывать избежать ярости этого огня, если я заткну свои уши от повеления, которое гремит надо мной из

зала заседаний и из уст Того, Кто объявляет себя Царем царей и Господом господствующих? Не говорите мне, что я не имею права вмешиваться - не имею права умолять об освобождении "испорченных из рук угнетателя". Я не могу не сделать этого, иначе огонь Божьей ярости вспыхнет на мне за мое пренебрежение его высшим повелением. И то же самое можно сказать обо всех моих читателях. Если у вас нет права не повиноваться Всемогущему Богу, вы не имеете права оставлять несделанным все, что вы могли бы сделать для освобождения раба.

Но кто же этот раб? Он человек, созданный по образу Божьему, и помните, что в нем столько же от образа Божьего, как если бы у него был цвет лица, черты лица и конечности белого человека. Где тот человек с бледным лицом, даже среди рабовладельцев, который встанет перед лицом небес и заявит, что он больше похож на образ Бога, чем его раб? Он показал бы образ дьявола, огромный, как живая, если бы у него хватило гордости и бесстыдства совершить такой дерзкий нечестивый поступок. Раб создан по образу своего Бога, и ему Бог дал власть над делами своих рук в той же степени, что и белому человеку. Для него Бог зажег солнце и луну и озарил небеса звездами так же, как и для нас. Для него Бог создал дыхание утра и безмятежную тишину летнего сочельника — для него темно-синее небо было раскинута балдахин, и для него оно поочередно окрашивалось в пурпурные и золотые тона. Для него пейзаж улыбается зеленым, и цветы распускаются, украшая его путь, и деревья распускают свою листву и сгибаются под тяжестью восхитительных плодов. Для него поля колышутся созревающим зерном, для него долины дают урожай кукурузы, для него стада складывают свои сокровища, а море шлет свои неисчерпаемые запасы. Для него были созданы прозрачный ручей, чистый фонтан, а для него - благоухающий воздух, наполненный пением птиц. Ах, и ради него, помните об этом вы, кто осмеливается утаивать это от него — ради него была дана Библия. Кто осмелится сказать, что Бог предусмотрел все это для хозяина в большей степени, чем для человека, которого он порабощает?

Но, что важнее всего, за него сошел и умер Сын Божий. Кровь хлынула из его сердца так же свободно и чистыми потоками для угнетенного и сокрушенного сердцем раба, как и для нас, или для человека, который осмеливается поработить образ Божий — для него река воды жизни, чистая, как кристалл, исходит от престола Бога и Агнца - для него улицы Нового Иерусалима вымощены золотом, и для него слава Бога и Агнца изольет свой свет в лучах, которые навсегда скроют яркость полуденного солнца — и для него приготовлены радости вечного рая. Да, это существо, которого рабство заковывает в цепи, лишает всех богатейших даров небес и погружает в невежество и скверну вплоть до ада. О, если бы весь небесный свод над нами когда-либо отзывался громкими угрозами разгневанного Бога, то сейчас можно было бы услышать, как эхом отдается страшный вопрос: "Не накажу ли Я за это, говорит Господь?" Разве моя душа не будет отомщена такому народу, как этот?"

А теперь, может быть, ты посмотришь на это, запечатаешь свои уста в молчании и скажешь, что у тебя нет права вмешиваться в процесс освобождения рабыни? Разве ты не слышишь, как Бог небесный говорит: "Избавь обесчещенного от руки притеснителя, чтобы моя ярость не вспыхнула, как огонь, и не разгорелась так, что никто не мог ее погасить"; и как ты смеешь ослушаться? Вы спрашиваете, что должно быть сделано для его освобождения? Я отвечаю: пусть с каждой кафедры гремит это повеление всевышнего Бога — пусть каждый служитель у алтаря громко взывает, не щадя, и возвысит свой голос, подобный трубе, — и укажет этому

народу на их прегрешения; этому виновному народу на их грехи. Пусть каждая пресса стонет, требуя освобождения от своих обязательств, провозглашения воли Всемогущего — и пусть те, кто может молиться, молятся *сейчас*, чтобы Бог сокрушил всякое ярмо и позволил угнетенным выйти на свободу. В особенности, пусть женщина — женщина, последней задержавшаяся у креста и первой нашедшая гробницу распятого Сына Божьего; надолго задержится у алтаря молитвы и рано будет найдена стоящей на коленях, борющейся у престола благодати; и пусть все, кто боится Бога или любит человека, решат перед Небесами, что они не успокоятся, пока не будут разорваны все цепи, похоронено каждое ярмо, сожжены все плети и оковы.

Но я, кажется, слышу, как кто—то спрашивает - должны ли мы думать только о рабе — должны ли мы не считаться с правами хозяина? Права! Какие права? Право держать своих братьев в рабстве в течение одного часа? С таким же успехом он мог бы требовать права восседать на престоле Божьем. У него нет такого права. Но должен ли он отказаться от всего имущества, которым он сейчас владеет в виде рабов? У него нет такого имущества. У него не больше прав называть их своей собственностью, чем у него есть называть ангелов на небесах своей собственностью. Бог дал человеку власть над полевыми зверями, но над собственным образом Божьим он никогда не давал ему власти. Злые, дерзкие до небес законы людей наделяют человека *силой* порабощения - но *права* они никогда не давали, потому что они никогда не могли этого дать. У человека нет такой вещи, как собственность, и никогда не может быть. Мы не просим рабовладельца отказаться от каких-либо прав. Мы призываем его, во власти Божьей, свергнуть всякое ярмо и отпустить угнетенных на свободу. Мы не просим их отказаться от своей собственности. Мы говорим им, что Бог объявляет их "подобными волкам, пожирающим добычу, проливающим кровь и губящим души, добывающимся нечестной наживы"; и что пророки обмазали их нетронутым раствором, видя суету и предсказывая им ложь, говоря: "так говорит Господь, когда Господь не говорил". Что люди этой страны прибегали к угнетению и занимались грабежом, досаждали бедным и нуждающимся, неправомерно притесняли чужеземцев — и что теперь Бог угрожает излить на них свое негодование, поглотить их огнем своего гнева и возместить их поступки на их собственные головы". Нет, мы не просим рабовладельца отказаться от своей собственности — мы просим их "прекратить избивать народ Божий на куски — перестать терзать лицо бедняков"; и когда рабовладелец сделает это, потерянный раб получит свободу. его свобода.

Но вы говорите, что освобождение каждого раба сразу привело бы к большим изменениям в обществе, и многие люди, которые сейчас живут в достатке, мгновенно стали бы бедняками. Мы в этом не сомневаемся. Мы не сомневаемся, что многие негодяи, нажившиеся в достатке, отнимая у своих братьев их заработки, были бы вынуждены работать собственными руками, чтобы заработать себе на хлеб; и это как раз то, что им следовало сделать давным-давно. Он сделан из глины не лучшей, чем самое низкое из всех Божьих созданий, которых он порабощает; и нет больше причин, по которым он должен быть освобожден от необходимости есть свой хлеб в поте лица. Давайте же поднимемся с единым сердцем, единым голосом и готовыми руками и сделаем все возможное, чтобы избавить угнетенных от их обид.

Но все же может возникнуть вопрос: чего вы ожидаете достичь? Мы ожидаем, что рабовладелец почувствует, что когда он низвергает бессмертную душу в глубины ада, чтобы удовлетворить свой собственный отвратительный эгоизм, Бог призовет его к ответу за эту душу в судный день. Мы ожидаем, что он поймет, что кратковременное удовлетворение, которое он может получить от порабощения своих ближних, лишь в малой степени компенсирует ему вечное

проклятие, которое он должен претерпеть в будущем, если он не покается в своем отвратительном грехе. Мы ожидаем открыть ему широкие притязания бесконечного Бога и заставить его увидеть, что в своем нынешнем поведении он открыто подвергается гневу Всемогущего; и, таким образом обнажив свою совесть для стрел истины, мы ожидаем призвать Святого Духа нашими молитвами, чтобы он вонзил эти стрелы глубоко в его сердце; чтобы обличить его в грехе, праведности и суде и таким образом привести его к непритворному покаянию перед Богом. Мы не ожидаем, что сможем достичь того, к чему стремимся, без посторонней помощи— но мы верим, что Господь Саваоф с нами, и, веря в его силу, мы не можем потерпеть неудачу. Христиане всех мастей, неужели нам не нужна ваша помощь? Любящие своих братьев, взгляните на несправедливость раба и плачьте и трудитесь ради него, чтобы он мог выйти на свободу. Откройте ему свои сердца и руки и помните, что "Тот, кто сжалился над бедным, дает займы Господу, и то, что он дал, он вернет ему".

Пусть никто не думает избавляться от обязательств по этому важному вопросу. У каждого человека есть язык, и он может им пользоваться; у него есть влияние, и он может его проявить; у него есть моральная сила, и он может ее проявить; и это вся сила, которая нам нужна. Наши усилия направлены не на жизнь рабовладельца, а на его совесть - его моральные чувства, и с Божьей помощью мы ожидаем, что они восторжествуют. Но, возможно, вы скажете, что у рабовладельцев нет совести на этот счет. Несомненно, их совесть может быть мертва и похоронена; возможно, она спала эти пятьдесят лет в своей могиле; но давайте, все до единого, поднимем трубу истины и протрубим над ней звуком воскресения, который вызовет ее из праха, чтобы она взяла свой кнут из скорпионов и побила виновных людей, заставив их повиноваться повелениям Божьим. Рабство не может долго существовать среди них. "Вот, плата работникам, которые убрали свои поля, удерживаемая у них обманом, вопиет; и вопли тех, кто собрал урожай, достигают ушей Господа Саваофа". Господь воинств - вот страшное значение этого термина; и если они не прекратят свое притеснение, они вполне могут ожидать, что Господь воинств недолго удержит свою руку. Вставайте, друзья мои, и исполняйте свой долг, освобождая обездоленных из рук угнетателя, чтобы огонь Божьей ярости вскоре не обрушился на вас.

## СНОСКИ:

[1] Прочитайте картину рабства Борна.

[2] Это происшествие произошло не очень далеко на юге, иначе не было бы никакого позора.

[3] Автор не одобряет вмешательство за счет человеческих жизней, но считает, что все возможные средства, за исключением пролития крови, оправданы.